

Хелен МАКДОНАЛД

Хелен МАКДОНАЛЬД

«Я»
ЗНАЧИТ
«ястреб»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
М15

Серия «Novella»

Helen Macdonald

H IS FOR HAWK

Перевод с английского *Н. Жутовской*

Художник *В. Лебедева*

Внутреннее оформление *И. Гришиной*

Печатается с разрешения автора и литературного
агентства The Marsh Agency Ltd.

Макдональд, Хелен.

М15 «Я» значит «Ястреб» / Хелен Макдональд ;
[пер. с англ. Н. М. Жутовской]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2017. — 352 с. — (Novella).

ISBN 978-5-17-092309-0

Смерть любимого отца расколола жизнь Хелен на «до» и «после», однако она нашла необычный способ справиться с горем, взяв на воспитание ястреба-тетеревятника. Страдающая от горечи утраты женщина и крылатый хищник — казалось бы, что общего может быть между ними? Однако с каждым днем они все крепче привязываются друг к другу и все глубже постигают красоту окружающего мира и непреходящее очарование бытия.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

© Helen Macdonald, 2014
© Перевод. Н.М. Жутовская, 2016
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-092309-0

Моей семье

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ТЕРПЕНИЕ

В сорока пяти минутах езды на северо-восток от Кембриджа лежит местность, которую я полюбила всем сердцем. Это край, где отступают болота и начинаются сухие пески. Это земля корявых сосен, сожженных автомобилей, изрешеченных пулями дорожных знаков и баз американских ВВС. Там обитают призраки: из-за них разрушаются дома в пронумерованных лесничествах участках соснового леса. Внутри поросших травой курганов за четырехметровыми заборами устроены склады для транспортируемого по воздуху ядерного оружия. Есть там и тату-салоны, и поля для гольфа, принадлежащие ВВС США. Весной здесь шум и гам: постоянно взлетают и садятся самолеты, над полями, засаженными горохом, разносятся трели лесных жаворонков. Называется этот район Брекландс — разоренная земля, — и именно здесь семь лет назад я очутилась однажды утром ранней весной, совершенно того не планируя. В пять часов утра, глядя на квадрат уличного света на потолке, я слушала доносившуюся с улицы болтовню запоздалых прохожих, возвращавшихся домой с вечеринки. Со мной творилось что-то странное: я слишком устала, слишком переутомилась, казалось, что у меня из головы вынули мозг, а череп забили чем-то похожим на алюминиевую фольгу, пропеченную в микроволновке, — измятую, обуглен-

ную и стреляющую искрами. «Бррр! Надо выбираться отсюда, — подумала я, откинув одеяло. —

И чем дальше, тем лучше!» Натянула джинсы, сапоги и джемпер, ошпарила рот прогорклым кофе и, только проехав полдороги по трассе А14 на своем замерзшем древнем «Фольксвагене», поняла, куда направляюсь и зачем. Там, за запотевшим ветровым стеклом и белыми полосами дороги, был лес. Развороченный лес. Туда-то я и ехала. Смотреть ястребов-тетеревятников.

Я знала, что сделать это будет непросто. С ястребами-тетеревятниками всегда все непросто. Вы когда-нибудь видели, как ястреб ловит птичку в саду за вашим домом? Я не видела, но точно знаю, что у меня за домом такое случалось. Обнаруживались следы. На плитке заднего двора иногда появлялись маленькие фрагменты: похожая на насекомое, крошечная, скрюченная лапка певчей птицы с натянутыми сухожилиями, или — что еще отвратительнее — раздробленный клюв воробья, надклювье или подклювье, небольшой кусочек конической формы, по цвету похожий на оружейный металл, прозрачный и отливающий красным, с прилипшими к нему перышками. Но, возможно, вы все-таки видели; возможно, однажды выглянули из окна и заметили, как там, на лужайке большой кровожадный ястреб терзает голубя, черного дрозда или сороку, и эта картина показалась вам ужасающим проявлением дикости, как будто кто-то подкинул вам на кухню снежного барса и вы обнаружили, что он уже пожирает кота. Случалось, ко мне в супермаркете или в библиотеке подбегали знакомые с вытаращенными глазами и кричали: «Я видела, как сегодня утром у меня на заднем дворе ястреб схватил птичку!» И только я хочу открыть рот и сказать: «Ястреб-перепелятник!» — как мне говорят: «Я посмотрела в справочнике. Это был ястреб-тетеревятник». Нет, не он. Справочники тут не помогут. Когда ястреб

убивает голубя у тебя на лужайке, он кажется огромным, и иллюстрации в справочнике уже не соответствуют тому образу, который тебе запомнился. Вот на картинке ястреб-перепелятник — серый, с черно-белой полосатой грудкой, желтыми глазами и длинным хвостом. А рядом ястреб-тетеревятник. Тоже серый, с черно-белой грудкой, желтыми глазами и длинным хвостом. «Гм», — подумаете вы. Прочтете описание: ястреб-перепелятник, от тридцати до сорока сантиметров; ястреб-тетеревятник, от сорока семи с половиной до шестидесяти сантиметров. Вот в чем дело! Ваш ястреб был огромный. Значит, тетеревятник. Выглядят они одинаково, но тетеревятники крупнее. В этом вся разница. Просто крупнее.

На самом деле ничего подобного. В реальной жизни тетеревятники похожи на перепелятников точно так же, как барсы похожи на домашних кошек. Да, они крупнее. Но еще и массивнее, кровожаднее, беспощаднее, страшнее, и их намного труднее увидеть. Обитатели лесной чащи, а никак не садов, они таинственный Святой Грааль для любого любителя наблюдать за птицами. Вы можете провести неделю в лесу, где полным-полно тетеревятников, и ни одного не увидеть. Заметите лишь следы их присутствия. Внезапная тишина, за которой следуют крики переполошившихся лесных птиц, и ощущение, что где-то промелькнуло что-то невидимое.

Быть может, вы найдете недоеденного голубя, распластанного на лесной земле среди разметавшихся белых перьев. Или вам повезет, и, бредя в рассветном тумане, вы вдруг обернетесь и на какую-то долю секунды увидите птицу, пронесшуюся мимо, — ее крупные когти расслаблены и чуть сведены, глаза не выпускают из виду далекую цель. Доля секунды — и этот образ навечно врезается в ваше сознание, а потом так хочется увидеть его еще и еще. Искать ястреба-тете-

12 ревятника — все равно что просить о милости Божьей: вам будет дано, но нечасто, и когда и как — неизвестно. Но все же удача может улыбнуться безветренным ясным утром ранней весной, потому что в это время ястребы-тетеревиатники покидают свой мир под кронами, чтобы ухаживать друг за дружкой в открытом небе. Как раз это я и надеялась увидеть.

Захлопнув ржавую дверцу и вооружившись биноклем, я зашагала через чистый, словно умытый лес — сероватый, с изморосью. С тех пор, как я была здесь последний раз, некоторые участки исчезли. Я наткнулась на клочки развороченной земли, на четко очерченные земельные акры с выдранными корнями и сухой хвоей, покрывавшей песок. Просеки. Вот что мне было нужно. Вскоре в мозгу заработали центры, остававшиеся не востребуемыми долгие месяцы. До этого момента моя жизнь проходила в библиотеках и аудиториях; нахмутив лоб, я вглядывалась в компьютерный экран, проверяла эссе, отслеживала библиографические ссылки. Сейчас шла совсем другая охота. И здесь я была совсем другим животным. Вы когда-нибудь видели, как олени выходят из укрытия? Они делают шаг, останавливаются, стоят неподвижно, поводят носом, прислушиваются и принимают. Бывает, по бокам животного пробегает легкая дрожь. И наконец, убедившись, что опасности нет, они выходят из кустарника пощипать травку. В то утро я чувствовала себя, как олень. Нет, я не нюхала воздух и не замирала в страхе, но, как и олень, повиновалась древнему чувству, подсказывавшему, как пройти через лес; во мне бессознательно пробудились настороженность и умение двигаться. Что-то внутри подсказывало, как и куда надо ступать, хотя умом я этого не понимала. Быть может, дело в миллионах лет эво-

люции, быть может, в интуиции, но во время охоты на ястребов я чувствую, как напрягается тело, если мне приходится идти или стоять под ярким солнцем, и я бессознательно отступаю в сторону рассеянного света, скрываюсь в узкую прохладную тень, тянущуюся по широким просекам между рядами сосен. Я вздрагиваю, если слышу крик сойки или злое, раскатистое карканье вороны. И то, и другое может означать: «Осторожно, человек!» или «Осторожно, ястреб-тетеревятник!» В то утро я пыталась отыскать одного, скрыв другого. Во мне пробудились призрачные инстинкты, которые тысячелетиями связывали воедино тело и душу, и они делали свое дело, заставляя меня чувствовать себя неудобно при ярком солнечном свете, неловко на склоне холма; почему-то требовали, чтобы я прошла по той его стороне, где росла блеклая трава, и добралась до чего-то с другой его стороны, и это «что-то» оказалось прудом. С края пруда тучами поднялись в небо маленькие птички — зяблики, юрки, стайка длиннохвостых синиц, до того сидевших в ветвях ивы, как живые хлопковые коробочки.

Пруд появился на месте воронки от бомбы, одной из целой серии, сброшенной немецким бомбардировщиком на деревню Лейкенхит во время войны. Возникла водная аномалия, пруд в дюнах, окруженный густыми кустиками песчаной осоки за много-много миль от моря. Я покачала головой. Странное зрелище. Но, в конце концов, здесь все странное, и, проходя через лес, встречаешься с разными непредсказуемыми вещами. Например, с большими пятнами ягеля — малюсенькими звездочками, цветочками, крапинками древней флоры, растущими на истощенной земле. Жесткий и шуршащий под ногами мох летом похож на кусочек Арктики, попавший сюда по ошибке. Повсюду виднеется кремень, его костлявые плечи и лопатки.

Влажным утром вы можете собрать кусочки, отколотые еще мастерами неолита, небольшие осколки в сияющем облачении холодной воды. В эпоху неолита этот район был центром обработки кремневой гальки, а позже прославился кроликами, которых разводили на мясо и войлок. Когда-то в этом песчаном краю были устроены гигантские, огороженные со всех сторон терновыми живыми изгородями кроличьи садки, откуда и пошли местные названия Уэнгфорд-Уоррен¹, Лейкенхит-Уоррен, и в конце концов именно кролики принесли этой земле несчастье. На пару с овцами кролики выщипывали траву до основания, так что над песком оставалась лишь тонкая прослойка корешков. В тех местах, где дела обстояли совсем худо, песок в ветреную погоду собирался в кучи и начинал движение. В 1688 году сильные юго-западные ветры подняли эту разоренную землю под самые небеса. И огромное желтое облако закрыло солнце. Тонны почвы колыхались, сдвигались и опускались. Песком был окружен Брандон, песок завладел Сантон-Даунхемом, и река в городе полностью заглохла. Когда ветры стихли, на многие мили между Брандоном и Бартон-Миллс протянулись дюны. У путешественников эти края снискали дурную славу: летом ноги странников утонули в обжигающих песках, служивших к тому же прибежищем для ночных разбойников с большой дороги. Наша собственная *Arabia deserta*². Джон Ивлин писал, что эти «пески-пльвуны нанесли большой урон стране, перетекая с места на место, подобно пескам Ливийской пустыни, и поглощая целые поместья некоторых джентльменов».

Итак, я стояла среди «песков-пльвунов» Ивлины. Дюны по большей части теперь уже скрыты сосна-

¹ Уоррен (warren) по-английски значит «кроличий садок».

² Аравийская пустыня (лат.)

ми — лес посадили здесь в 1920-х годах, чтобы у нас была древесина для будущих войн, — и разбойники с большой дороги меня больше не беспокоят. Но все равно есть ощущение опасности, словно что-то притаилось под землей, что-то разрушилось. Я люблю эти края, потому что из всех известных мне мест они кажутся самыми дикими во всей Англии. Но это не та нетронутая дикость, что присуща горным вершинам; это дикость разорения, когда странным образом вступают в сговор люди и земля. Здесь живет ощущение иной истории края; это не только роскошные праздные грезы поместий, но и история промышленности, лесоводства, бедствий, торговли и труда. Лучшего места для встречи с ястребами-тетеревятниками не придумаешь. Эти птицы идеально подходят странному пейзажу Брекландса, потому что их история похожа на историю людей.

И она захватывающая. Когда-то тетеревятники водились лишь за пределами Британских островов. «Существуют разнообразные породы и виды ястребов-тетеревятников, — писал Ричард Блум в 1618 году, — различаемые по своим охотничьим качествам, силе и выносливости в зависимости от тех стран, где они обитают. Но самые лучшие места для их обитания — Московия, Норвегия и север Ирландии, особенно графство Тирон». Впрочем, о способностях ястребов-тетеревятников забыли с началом огораживания, которое ограничило возможности простого люда использовать их для охоты, а также с появлением более меткого огнестрельного оружия, которое ввело в моду охоту с ружьями, а не с ловчими птицами. Ястребы теперь воспринимались как хищники, а не как товарищи по охоте. Их стали истреблять егеря, что было последним ударом для популяции, и без того еле выживающей из-за утраты значительной части естественной среды обитания. К концу XIX века британские ястре-